

Содержание

Запах хлеба	7
Когда святой хватается за меч	14
Не жалея о том, что прошло	19
Как правильно выбрать подарок на Рождество?	25
Пытка подарками	27
С миру по кошке	28
Нечаянный череп	30
Подарок Любимому	33
Трепет воды	37
Почему я не умею прощать?	45
Право на обиду	46
Душегубные старухи	48
Как убить память?	49
Будни Бармалея	52
Безобидное Евангелие	53
Сладострастие вины	55
Зубы друга	57
Молитва и доброта	59
Благовещение: откровение о Деве	67
Свете тихий	76
Пасхальные ангелы	77
Верность учениц	79

Узнавания	83
Бог. Просто Бог	86
Вознесение грядущего Христа	88
Вознесение: возвращение на Родину	92
Застенчивый Бог	99
Сложное имя	101
Незримое присутствие	103
Сокровище благих	106
Место покоя	108
На руках у Бога	111
Жажда жизни	117
Учитель на своем месте	129
Разговоры о Боге: мед и сахар	138
Домашний демон	148
Монах под прикрытием	149
Родовое древо	150
Тревожное наследство	153
Чужие и хищники	154
Орден хранителей	156
Бургундский треугольник	159
Монашеское призвание: дар и крест	172
Может ли православный молиться вместе с инославным?	184
«В центре внимания»:	
фильм о церковной немоте	192
Если есть на свете детский Бог	199
Плач по чужим детям	206
Кошки не рвут цветов	210
Реквием по кошке	212

Запах хлеба

Для некоторых людей Причастие — немислимый подвиг. И что я говорю? Не для некоторых. Для многих. Может быть, для большинства. И я сам отношу себя к этому большинству. Евхаристия такая святыня, что ты умом чувствуешь, кожей понимаешь, что прикасаешься к чему-то действительно священному. Ты, человек из плоти и крови, со своими мелкими мыслями, суетой и тревогой, не просто касаешься Тела Бога, но вливаешь в свои жилы Его священную Кровь. Кровь Бога омывает твоё сердце, меняет тебя, возвращает тебя самому себе. Это невероятно. Но это так. Как это происходит? Как это вообще стало возможным? Как я после этого остался жив? Говорить об этом можно много. Слушать — нечего. Если сам не пережил на собственном опыте. А если пережил, предпочтешь молчание. Это — правда Евхаристии — священный трепет от прикосновения подлинной святыни, почти испепеляющий ужас священного. И рядом — совсем другое — детски-мирная радость,

«тишина неизглаголанная», радость быть, дышать, молиться, бегать, ликовать — оттого что жив навсегда и окружен навсегда живыми.

Символ священного ужаса — священник стоит у престола и будто из самой глубины отчаяния — «Боже, очисти мя грешного!». Символ мирной радости — ребенок, жуящий просфорку. Дети страшно любят просфоры. Вы тоже заметили? Так весело смотреть, когда какой-нибудь малыш, удерживая двумя «лапами» «святую булочку», пыхтя и отдуваясь, с предельной серьезностью уплетает «Божий хлебушек». И действительно, что-то бесконечно мирное в самом облике священного хлеба и вина. Как спокойно становится, тихо на душе, когда смотришь на просфоры. Воистину — мирная жертва!

А для себя — тонкий и нежный момент литургии. Стоит священник в алтаре. Вот-вот запоют «Верую». Берет батюшка в руки покров, которым накрыты Чаша и Дискос, и начинает «веять» над святыней, читая Символ веры. И мне всегда радостно брать в руки этот покров, потому что тонкий запах вина и хлеба пробивается через него, и от этого так хорошо на душе становится, так спокойно и радостно.

Как вообще в литургии сочетаются эти два невероятных состояния: детской мирной радости и священного трепета? Все очень просто. Не с безликой святыней, не с грозными космическими стихиями мы сходимся в Евхаристии.

К нам навстречу идет Живой Бог, наш настоящий и подлинный Отец, любящий и нежный. Это Он касается нас, Его Кровь обновляет наши души, Его Дух оживляет наши тела. Страшно. И — радостно.

Настоящая икона Евхаристии — евангельская история об умножении хлебов. Она есть в каждом из четырех Евангелий. Старая, очень старая история. Христос проповедовал целый день в пустынном месте, люди устали, до жилья далеко, кормить нечем — у апостолов нашлись только пять хлебов и две рыбки — но разве накормишь этим столько народу? А Господь просто помолился, благословил — и всех накормил. Обычное чудо — так мы, христиане, и думаем устало, не замечая, что чудо не может быть обычным. Мы ведь и удивляемся этому как-то тускло, без энтузиазма: да, Бог сотворил чудо, накормил пять тысяч человек, но разве Богу стоит какого-то труда сотворить чудо? Он же — Бог, всемогущий Творец и Промыслитель, Ему должно быть легко и исцелять, и воскрешать, и умножать хлебы? Но уже в древности понимали: история с хлебами — особая. Евангелист Иоанн, который не отличался склонностью повторять в своем Евангелии то, что уже до него сказали другие евангелисты, все же помянул чудо о хлебах в своем таинственном благовестии, и помянул в той самой шестой главе, в которой подробно пересказывается беседа Христа о Хлебе

Небесном, то есть о Евхаристии. Чудо с хлебами было иллюстрацией для прояснения богословия Евхаристии. Это было не просто чудесное событие, но прежде всего знамение, живая икона Вечной Литургии.

А что такое Евхаристия? Трудно объяснить в двух словах, особенно человеку нецерковному. Слова подбираются с трудом, сопротивляются, требуют оговорок и уточнений. Даже для богослова это непростая задача. Но Господь принес нам этот дар, доступный каждому — и ученому и невежде, и богослову и простецу. Не можешь мыслью охватить эту тайну — просто смотри на икону Евхаристии — на чудо умножения хлебов, и не гордись, а смиренно подойди к потрясенным апостолам, трепетными руками раздающим народу хлеб, и приступи к этой тайне богообщения,пусти Христа в свою жизнь, в свою кровь, в свою плоть, в самые глубины твоей души и проси, чтобы ее внутренние хранилища, темные и необозримые, озарились светом Его любви, чтобы Христос оживил тебя, напоил подлинной жизнью, потому что именно в этом и есть смысл Евхаристии — оживить мертвецов, напитать наши души и тела — жизнью подлинной, Божественной. И это настоящая, очень личная и интимная встреча с Богом Живым. Не с идеей, не с учением или философской системой, не с таинственной нетварной энергией. Он Сам — Творец мира, выдумавший и меня и мою

историю, — встречается лично со мной в самых глубинах меня самого, в таких безднах моего существа, о которых я и сам не помышлял.

Мой мудрый друг с печальной улыбкой и не-исправимо добрыми глазами однажды рассказал мне, как стал верующим человеком, опытно и очень живо пережив этот опыт встречи с Богом в Евхаристии. Он рос в обычной советской семье, не зная ни Бога, ни Церкви. Жил, как трава растет, — пионерское детство, школьные хлопоты, увлечение боксом — жизнь понятная, без мистических тайн и метафизических тревог. Вдруг стали открывать храмы. А в нашем городе Гомеле верующим вернули Петропавловский собор. Это было так необычно. Оказывается, есть какой-то другой мир, очень древний и традиционный, и там есть люди, там есть своя полноценная и полнокровная жизнь! Он стал заходить в храм. Ничего не понимал. Никого не знал. Просто смотрел. Интересно было. Необычно. Познакомился с монахиней, принимавшей записки. Сначала просто узнавали друг друга, потом начались разговоры.

— А ты когда-нибудь причащался?

— Нет. А как это?

— А я тебе расскажу.

И она рассказала ему о Причастии. Не богословскую теорию, не катехизис со ссылками на Писание и отцов. Просто научила, как подготовиться. Советский школьник, к ужасу родителей,

мужественно постился неделю. Терпеливо читал трудную книгу «Молитвослов», даже не надеясь разобраться в древнем наречии. В канун Причастия смотрел по обычаю телевизор с каким-то мутно-глупым фильмом и явился к литургии, совершенно не понимая, что он делает, зачем пришел и чего следует ожидать. Положено причащаться — буду причащаться. А ты верующий? Там разберемся.

Сходил к исповеди. Отстоял службу. Подошел к Причастию. Руки сложены на груди. Громко назвал имя. Батюшка поднес на ложечке кусочек хлебушка с вином. Необычный вкус. Непривычный. Вот и все. Рассказывать больше нечего. Только так все и случилось. Так он стал верующим. Там, у Чаши, он встретил Христа. Как об этом можно рассказать? А вот попробуй. Не было видений. Не было голосов, пророчеств, необъяснимых чудес. Земля не уходила из-под ног. Ураганы не срывали со стен штукатурку. Но это было прикосновение чего-то подлинного и святого. Кого-то. Его никто не ждал. Его не звали. Мальчик и не думал, что такое с ним может произойти. Он не знал, что такое Евхаристия, не читал Писания, не изучал истории Церкви и житий святых. Что-то слышал. Где-то урывками читал, но совсем не думал, что это будет так. Они просто встретились. Он просто пришел. И остался.

После Причастия сидел на церковном крыльце. Свежо. Цветы. Скамейки. В соборе еще

молятся, поют. И — необычайная тишина. А вокруг ходят люди. Вот спортсмены побежали по дорожке. И ему подумалось: ведь это так просто — убедиться в том, что есть Бог на свете, — подойди к Чаше и просто причастись. А они — бегают, бродят по тропинкам парка и говорят про жизнь. Надо всего лишь зайти в храм, и Бог выйдет к тебе навстречу. Это так просто. Пережить — просто. Но разве об этом расскажешь?

Христос говорил о Хлебе Небесном — и ученикам, и иудейским законникам. Его не поняли. Не услышали. А кроткий и молчаливый ученик, мальчик Иоанн, просто все запомнил, предчувствуя, что это очень важно, и мы все потом поймем. И он не ошибся, апостол Любви. Потому что сначала — опыт, потом — понимание, и вера приходит вслед за Встречей, которую никто не ожидает, которую нельзя запланировать или заказать. Но только так мы и становимся верующими — лично встретив Бога, застигнутые Им врасплох. И оттого так тревожно и радостно идти к Причастию — на свидание с Богом, понимая, с Кем ты увидишься, Кому причастишься, Кто навсегда останется с тобой.